

Под звуки песни куклы Цзин Бай почувствовал, как ход времени постепенно замедляется. Мелодия была столь дивной, что под её чарующие переливы его тело невольно пустилось в пляс.

Цзин Бай ощутил неладное и изо всех сил постарался очистить разум.

Притворившись, что он полностью поглощен танцем, он исподволь перевел взгляд с жутко улыбающегося лица куклы на пестрый пол. Только так можно было хоть немного отгородиться от её пения.

Вскоре он почувствовал, что конечности вновь слушаются его, но в данный момент не стал предпринимать поспешных действий, а принялся внимательно наблюдать за тем, куда именно кукла его направляет.

— Давай потанцуем, давай потанцуем, раз-два-раз;

Давай потанцуем, давай потанцуем, раз-два-раз.

В мягком звучании песни Цзин Бай быстро заметил, что плитки пола размером в три фута под его ногами движутся, словно живые.

Сейчас рядом с ним были плитки с изображением одной или двух голов — где куклы, где медвежонка, всё как перед началом танца.

Однако неподалеку лежала плитка с тремя медвежьими головами. Медвежата на ней уже не выглядели такими милыми и простодушными: их пасти были широко распахнуты, а закрытые прежде глаза открылись и теперь злобно следили за ним.

В этот момент все в зале танцевали механически, слышно было лишь тяжелое или прерывистое дыхание.

Именно поэтому любой необычный звук становился здесь отчетливо слышен.

Внезапно Цзин Бай уловил чей-то сдавленный вдох.

Человек, издавший звук, явно старался сдержаться, но внимание Цзин Бая и так не было сосредоточено на пении куклы, поэтому он безошибочно определил направление.

Воспользовавшись поворотом, который задала кукла, Цзин Бай украдкой взглянул туда.

Там стояли Юй Юэ и Цюань Цзяньмин.

В тот миг, когда их взгляды встретились, Цзин Бай увидел, что глаза Юй Юэ широко распахнуты от ужаса, а Цюань Цзяньмин стоит к нему спиной, положив руку на плечо девушки...

Нет, это был уже не Цюань Цзяньмин.

Хотя одежда была знакомой, и на ней даже остались брызги крови Сюн Яня, голова Цюань Цзяньмина не была такой огромной, и, конечно, у него не могло быть копны золотистых кудрей.

Очевидно, Цюань Цзяньмин перестал быть человеком из лагеря куклы и превратился в настоящую куклу.

Цзин Бай вернул взгляд к своей партнерше.

Она по-прежнему тихо напевала, и её стандартная улыбка ничуть не изменилась. Однако в глазах появилось выражение обиды, словно она упрекала его в неверности.

В момент их зрительного контакта Цзин Бай почувствовал, что снова теряет связь с реальностью: ему почудилось, будто он видит пару смеющихся глаз...

На этот раз, даже без напоминания белого нефрита на груди, он быстро взял себя в руки и стал наблюдать за плитками вокруг.

Плитка с тремя медвежьими головами была всё ближе. Медвежата на ней разевали пасти, словно в радостном смехе, но Цзин Бай сразу приметил блеснувшие белые клыки.

Он притворился, что пребывает в беспамятстве: взгляд пустой, лицо отрешенное, движения стали совсем деревянными.

Кукла, казалось, была довольна таким эффектом — улыбка на её лице становилась всё шире, рот растягивался всё сильнее.

Теперь Цзин Бай наконец разглядел: серебристый блеск, что мелькал у неё на губах, на самом деле был рядом острых, как бритва, клыков.

Поняв, с чем имеет дело, он не подал виду. Когда плитка с тремя головами оказалась у него под ногами и оставался лишь шаг, он обхватил куклу за талию и, сохраняя вид полной прострации, с силой развернулся, совершив резкий прыжок!

Этот маневр был исполнен безупречно: он не только ушел с опасной плитки, но и приземлился рядом с плиткой, где красовались четыре головы кукол.

Он ловко отступил на шаг, и опешившая кукла чуть было не наступила на неё сама.

В тот же миг четыре кукольные головы на плитке распахнули глаза и раззявили огромные рты!

Рты были неестественно большими, и в долю секунды те, кого только что можно было назвать милыми, превратились в четыре пасти, полные клыков!

Кукле пришлось сделать широкий прыжок в сторону, увлекая Цзин Бая подальше от этой плитки.

Цзин Бай, словно ожидавший этого, крепко прижал её к себе, и они приземлились на одну и ту же плитку.

Оглядевшись и убедившись, что вокруг только плитки с одной или двумя головами, он галантно поклонился и вернулся в обычную танцевальную позицию.

Улыбка куклы окончательно сползла с лица, её глаза метнули в него яростный, почти звериный взгляд.

Цзин Бай остался к этому равнодушен.

Ему нечего терять, так чего бояться смерти?

К тому же, еще неизвестно, кто из них умрет первым.

Благодаря этой проверке он полностью постиг правила игры.

По правде говоря, игра была не такой уж сложной: все правила и способы решения скрывались в словах песни.

Перед началом бала эту детскую песенку прокрутили специально, и уже тогда Цзин Бай осознал её важность.

Первое правило выживания: кукла должна танцевать с медвежонком — это был первый этап отбора.

Второе правило выживания: раз-два-раз, упомянутое в тексте, — это не ритм танца, а количество голов на плитках, на которые им нужно наступать!

Перед вторым этапом пол был начищен, обнажив все рисунки. Узоры на плитках, как и лагеря, делились на медвежат и кукол.

Те плитки с тремя или четырьмя головами, что открывали глаза, были живыми!

Эти живые плитки при случае меняли головы людей из соответствующего лагеря.

Цюань Цзяньмин, вероятно, наступил на живую кукольную плитку, из-за чего лишился головы и сам стал куклой.

Больше всего Цзин Бая удивило то, что эти плитки охотились не только на людей — даже кукла, с которой он танцевал, находилась в зоне их поражения.

Но здесь крылось противоречие:

Если участие в танце грозит тем, что тебя съест живая плитка, почему эта кукла согласилась на его приглашение?

Только если она знала, что выгода от танца перевешивает риск.

Цзин Бай взглянул на нескрываемую злобу в глазах куклы и стал еще бдительнее.

Два их прыжка подряд покрыли расстояние в несколько плиток, и шум был таким, что почти разбудил остальных, танцующих в беспамятстве людей.

Вскоре по залу разнеслись крики ужаса.

Очевидно, что Юй Юэ и Цюань Цзяньмин были не единственной парой, чьи головы заменили беззвучно.

В этот момент песня второго этапа подошла к концу, кукла вновь замерла, завершая танец.

Цзин Бай остановился и окинул взглядом пары в зале. Помимо Цюань Цзяньмина, головы лишилась та средних лет женщина, что танцевала с маленькой девочкой.

На её шее больше не было человеческой головы — вместо неё красовалась голова плюшевого медвежонка.

Черные глазки-пуговицы смотрели на всех по-живому, уголки рта были слегка приподняты, и это выглядело не мило, как на плитке, а пугающе до мурашек.

Юй Юэ была вне себя от страха, глаза маленькой девочки покраснели, а по бледным щекам катились слезы, которые она не успела вытереть.

А рядом с ними их новые «партнеры» всё так же крепко держали их за руки, словно напоминая, что этот кошмар еще далеко не закончен.

Оставшиеся две пары, чьи головы остались на месте, переглянулись и невольно отодвинулись подальше от тех, кого подменили.

Цзин Бай услышал, как здоровяк прошептал мужчине в костюме:

— Когда это произошло? Жутко смотреть...

Мужчина в костюме покачал головой, давая понять, что сам не знает.

Женщина-белый воротничок с благодарностью взглянула на девушку в очках, собираясь что-то сказать, но та приложила палец к губам, призывая наблюдать и ждать.

Кукла вскоре заговорила:

— Два этапа танца завершены, на этом бал должен был закончиться...

На лицах живых людей промелькнула радость, и лишь Цзин Бай взглянул на свою «партнершу» и усмехнулся про себя.

По её злобному взгляду он понял, что бал так просто не закончится.

И действительно, как только люди приободрились, кукла с притворным сожалением добавила:

— Довольные гости, я могу позволить вам уйти. Но двое моих друзей пришли чуть позже и успели станцевать только один раз...

Юй Юэ и маленькая девочка поняли намек и побелели.

Их партнеры одновременно повернулись к ним, скалясь в застывших улыбках.

Самое страшное было то, что их шеи не могли поворачиваться — когда они поворачивали головы, вращались только черепа. Шеи Цюань Цзяньмина и женщины издавали скрипучий звук, от которого волосы вставали дыбом. Темная кровь сочилась из стыков между головой и шеей, делая эти сшитые тела еще более жуткими.

Юй Юэ была готова разрыдаться, маленькая девочка, хоть и молчала, не могла остановить слезы.

Мужчина в костюме и здоровяк радостно переглянулись, их лица светились надеждой. Белый воротничок прикрыла рот рукой, её глаза покраснели от слез облегчения. Девушка в очках, казалось, была самой невозмутимой, лишь в её глазах читалась задумчивость.

Радость и отчаяние переплелись, словно в немой трагикомедии. Кукла огляделась по сторонам, довольная, и улыбка на её лице растянулась до гротескных размеров.

В сердце Цзин Бая вскипела злость. На этот раз даже белый нефрит не подал признаков жизни.

Цзин Бай решил, что они с куклой достигли негласного соглашения, пошевелил рукой, которую она сжимала, и одарил её ослепительной, но фальшивой улыбкой:

— Миледи, я составил вам компанию на два этапа. Позвольте мне уйти?

Все замерли, даже плачущая девочка перестала всхлипывать — рука этой куклы всё это время сжимала запястье Цзин Бая, и она не собиралась его отпустить. Цзин Бай спросил о том, что и так было ясно, явно провоцируя её!

Улыбка в уголках губ куклы стала жесткой.

Она впиалась взглядом в Цзин Бая и, хотя продолжала улыбаться, это было похоже на скрежет зубов:

— Ха-ха, Алиса еще не получила удовольствия...

Достопочтенный гость, станцуйте со мной еще один этап.

Кукла была на полголовы ниже Цзин Бая, и, глядя на него, она недобро косила глазами вверх. Хотя слова звучали мягко, угроза была очевидна.

Её рука, сжимавшая его запястье, превратилась в стальные тиски, издав неприятный хруст.

Должно быть, это ужасно больно!

Здоровяк рядом с содроганием коснулся своего запястья. Он в юности занимался спортом и знал, что при таком звуке боль должна быть невыносимой, обычный человек давно бы закричал. Цзин Бай выглядел очень красивым и хрупким, и здоровяк думал, что это очередной избалованный красавчик, но не ожидал, что у него такая железная выдержка.

Цзин Бай не обращал внимания на окружающих. Словно рука была не его, он даже бровью не повел.

Его черные, как смоль, глаза уставились на лицо куклы, и он одарил её зловещей улыбкой, с какой смотрят на добычу:

— Раз уж вы так искренне просите... что ж, я проявлю милосердие и соглашусь.

<http://bllate.org/book/20568/2055281>